

Н. А. СЕДУКОВА

**К ЛОКАЛИЗАЦИИ РУКОПИСНОГО
АКЦЕНТУИРОВАННОГО ЛЕЧЕБНИКА 1686 г.
(РГБ, ф. 310, № 697)**

Настоящая статья посвящена предварительной локализации старовеликорусского Лечебника 1686 г. (далее — Лечебник), хранящегося в НИОР РГБ (ф. 310, № 697). Источник на первом листе озаглавлен: *Книга ꙗвляющая о члчскихъ болѣ(з)нехъ писана : / : 194го; гбду;.*

Рукопись на бумаге в четвёрку¹, общее число листов — 154: между оборотом л. 136 (оборот заполнен наполовину, с выраженным концом текста) и л. 137 — 2 чистых листа (нумерованы как 136а, 136б), после окончания текста (5 строк на л. 143) — 10 чистых листов, на последнем, 154-м листе, — поздняя скорописная запись: «1809 года месеца генваря 21(аго) было обручение а венчание было / 25 числа в этот день в обручение / было преподобнаго (оца нацего максима) исповедника / а веньчание было (архипискапа) григория богосло(ва)». Общее количество слов в основной части² рукописи — около 20 тысяч.

На лл. 1–143 рукопись писана одним почерком — полууставом, на л. 61 об. почерк вдвое мельче, чем на всех остальных, однако начерки букв идентичны с остальными листами (возможно, писец оставил место, но после решил поместить туда больше текста, чем предполагал сначала), последние 7 листов (лл. 137–143) писаны тем же, но более крупным (в сравнении с основной частью рукописи) и более аккуратным почерком. Большая часть л. 50 об. писана московской скорописью, теми же чернилами, что и текст вокруг, и не имеет никаких следов, характерных для вставки; нет никаких оснований предполагать в этом фрагменте участие другого писца, т. к. начерки отдельных букв и лигатур совпадают с начерками основной части

---

¹ Бумага с филигранями «голова шута» и «герб Амстердама» соответствует белой дате, переплёт — дѳски в коже с тиснением.

² Под основной частью (основным текстом) рукописи здесь и далее понимается собственно текст Лечебника на лл. 1–143 (за вычетом всех приписок).

Лечебника. Цвет чернил единый во всей основной части рукописи. Почерк киноварных заголовков и инициалов совпадает с почерком основного текста.

Набор графем в рукописи следующий: *a, б, в, г, д, е* (обычная и широкая), *ж, s, з, и, ї, й, к, л, м, н, о, ѱ, п, р, с, т, оу, у, њ, v, ф, ѳ, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ю, ѱ, ѱ, ѳ*.

Распределение знаков для «у» таково: диграф обычно пишется в начале слова, не после предлога, оканчивающегося на *о*, в остальных позициях — лигатура, монограф употребляется очень редко (чаще в позиции диграфа, почти никогда — лигатуры). Единично в значении «у» используется ижица. При цитировании текста все указанные знаки для «у» в настоящей работе передаются как «у».

Распределение *o/ѱ*: *ѱ* выступает чаще в начале слова, реже в лигатурах, ещё реже в остальных позициях, гораздо чаще используется *о* (в том числе и в позиции начала слова).

Варьирование *i/u/ї*: *ї* — факультативный вариант *и*, *й* — в позиции современного *й*.

При цитировании рукописи в настоящей работе свободно варьирующиеся буквы *e, є* передаются как *e*; *s* и *з* — как *з*; *ф* и *ѳ* — как *ф*; *ѱ* и *ѱ* — как *я*. Остальные знаки соответствуют рукописи.

Текст Лечебника изобилует выносами. При цитировании текста выносные буквы опускаются в строку в скобках, титло над ними опускается. Кендема передаётся как «(и)».

В Лечебнике представлен один из вариантов «старопечатной» системы надстрочных знаков³. Камора используется крайне редко. Спиритус по внешнему виду идентичен современному апострофу (запятой); не смешиваясь тем самым с оксией и вариетой, он маркирует почти все неприкрытые гласные буквы⁴. Оксия и вариетой строго наклонные, в связи с этим их невозможно смешать с паерками (здесь они вертикальные, напоминают волну, могут смешиваться со спиритусом). Неиктусное исо в Лечебнике не встретилось. Вариетой не над конечным гласным не встречается, над конечным гласным никогда не маркирует конца слова, но всегда иктусна.

Два знака ударения над одним фонетическим словом в Лечебнике скорее исключение. Часть таких написаний явно связана с ошибками писца при переносе слова: *о(б)мó/чівъ* (110), *нарó/читая* (112), ср. [Зализняк 2014: 421]. Такие написания полностью исключены из рассмотрения. Некоторые отражают колебания в ударении: *únáя* (22), *únóе* (27 об.); *жítкáя* (16 об.), *гúстýя* (31 об.) и обсуждаются в соответствующих разделах. Для остальных можно предположить отражение второстепенного ударения: *дѣлаёмъ* (33), *о(т)пáривáть* (117 об.), *мелáнколíевы* (105 об.) и др.

³ «Условное обозначение системы надстрочных знаков, принятой, в частности, в старопечатных московских изданиях XVI—XVII вв. ...» [Зализняк 2010: 201]. Подробное описание системы см. [Там же].

⁴ О (не)прикрытых гласных буквах см. сноску 6 в [Зализняк 2010: 200].

Коэффициент акцентуированности (отношение количества проставленных писцом ударений к общему предполагаемому количеству ударений, возможных в данном отрезке текста)⁵ Лечебника крайне высок и составляет около 98 % (для сравнения: коэффициент в очень плотно акцентуированных «Космографии» Мартина Бельского — 85 %, в Толковании Феофилакта Болгарского на Евангелия от Матфея и от Марка — 89 %, а нижняя отметка коэффициента среди рукописей, описанных в [Зализняк 1985], — 60 % [Зализняк 2010: 202]). Такой необычайно высокий коэффициент акцентуированности Лечебника, вероятно, объясняется личностью писца⁶, который, часто пользуясь церковной литературой и, возможно, переписывая её, привык к сплошной расстановке знаков ударения, свойственной такого рода книгам.

При подсчёте коэффициента акцентуированности традиционно не учитывались слова с выносными буквами и (или) титлом, мешающими писцу поставить акцентный знак, ср. [Там же: 202]⁷. Эти слова тоже несут информацию об ударении, которая, однако, учитывалась (отдельно) лишь при регулярном отражении иктуса в примерах без выносов, т. е. *тушии(m)* признаётся акцентологически значимым написанием лишь в том случае, когда (если *m* в строке) писец всегда ставит ударение *туши́тъ*.

При цитировании текста Лечебника в настоящей статье оксия, вария и камора ставятся в соответствии с рукописью, спиритус и паерок не воспроизводятся. Лёгкое смещение акцентного знака влево признаётся нормальным и не отражается, за исключением редких случаев, когда это представляется существенным. Случаи неоднозначной постановки акцентного знака (например, над согласным между двумя гласными) не принимаются во внимание и не учитываются при описании акцентуации слова (за исключением редких, отдельно оговоренных случаев). В списках примеры даются в прямом алфавитном порядке корней: сначала, если есть, беспривставочные, затем с приставками. Номера листов даются в скобках вслед за примером. Если пример встретился несколько раз на одной стороне листа, то за номером листа следует «*X», где X — количество примеров на этой странице. Если в рукописи не встретилось иного ударения для данной формы (кроме отдельно оговоренных случаев), а такой иктус неединичен, то нóмера листа не ставятся, а в скобках указывается «регулярно». Если в скобках указан ряд листов (или «регулярно»), на которых встречается данное слово, то верно, что во всех этих словах в этой форме иктус отмечен так же, однако

---

⁵ О «коэффициенте акцентуированности» см. [Зализняк 2010: 202–203; 715]. В настоящей работе коэффициент акцентуированности и процент слов с выносами и под титлом подсчитывались для выборки, включавшей 14 страниц из разных мест текста.

⁶ Личность писца известна благодаря маргиналиям рукописи. См. ниже.

⁷ Количество таких написаний в Лечебнике достаточно велико и составляет примерно 20 %.

отдельные особенности написания (графико-орфографические и фонетические) могут отличаться от указанного (если это представляется важным, то словоформы с отличным графическим обликом даются отдельно, даже если фонетически и морфологически совпадают с уже приведёнными). Все сведения об исконных акцентных парадигмах слов и об их изменении взяты из книги А. А. Зализняка «Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь» (М., 2014). Для лексем, отсутствующих в словаре, акцентная парадигма по возможности выводилась поморфемно. Лексемы, для которых исходная акцентная парадигма выявлена не была, в работе не учитываются.

Лечебник содержит несколько приписок, расположенных на нижних полях листов. Первая из них — владельческая, писана чернилами, не совпадающими по цвету с чернилами основной части рукописи (бледнеют в коричневый оттенок, тогда как в рукописи в серый). Почерк этой приписки скорописный, более поздний и явно отличный от скорописи л. 50 об.⁸: лл. 69 об.–70:

+ кнѣга глѣмая лекарственна лѣкоря петрѣ // фѣдоро(ва) ко(р)суне(в)ского писа(л) своєю рукою.

Видимо, лекарь Пётр Фёдорович Корсуневский владел исследуемым Лечебником, но не переписывал его сам, а слова «писа(л) своєю рукою», вероятно, о тексте приписки, а не об основной части рукописи.

Вторая приписка сделана несколько более беглым полууставом, чем основной текст Лечебника, но начерки большинства букв совпадают с начерками рукописи, цвет чернил также совпадает с цветом чернил рукописи, хотя оттенок их бледнее, чем в большей части текста:

лл. 86 об.—88: а писано с книге стѣ(н)ного иероди́ако(на) никодима. ко(р)нильева // а по смѣрти ѿказа(на) сѣя кнѣга мнѣ дѣяко(ну) ивану / иванову за тоѣ мою рабѣту. // + а писа(л) своєю ради по(л)зы и охѣты // пото(му) что писа(л) на своѣй бумѣги. а за рабѣту у него архима(н)дрита не има(л) ничего +//

Есть все основания утверждать, что автор этой приписки и писец основной части Лечебника — одно и то же лицо.

Ещё одна приписка зачёркнута теми же чернилами, которыми написана предыдущая (на лл. 86 об.—88). Эта запись сделана скорописью, совпадающей со скорописью л. 50 об., теми же чернилами, что и основная часть Лечебника (их непобледневшим оттенком). Читается эта запись лишь частично:

л. 100 об. — писа(л) сию ... знаме(н)ско(ї) дѣяко(н) Иван Иванов лѣ(та) 7194(го) го(ду) / ... ник(т)о ни прода(ст) ни заложи(т) а бу(де) хто взяв продастѣ и то(т) бу(д)...

л. 101 — своєю рукою про себя а взя(л) на посмотре(н)е а(н)тоние/вско(ї) а(р)хима(н)дритѣ Макари(ї), маия въ 13 (день) ...

⁸ Об этой скорописи см. выше, в описании почерков.

Естественно предположить, что диакон Иван Иванов из приписки на лл. 86 об.—88 и знаменский диакон Иван Иванов — одно и то же лицо, тогда логично, что и архимандрит из полууставной приписки и антониевский архимандрит Макарий — одно и то же лицо. А приписки, видимо, последовательно отражают судьбу рукописи. Первыми были написаны последние (в списке выше) маргиналии на лл. 86 об.—88 и 100 об.—101, соответственно заверяя право законной собственности на эту книгу диакона Ивана Иванова и передачу им своего, собственноручно и на личные средства переписанного Лечебника «на рассмотрение» антониевскому архимандриту Макарию. Вероятно, по возвращении книги приписки на лл. 100 об.—101 (удостоверяющие передачу) как ненужные были зачёркнуты.

Таким образом, упоминаемые в приписках персоналии позволяют определить время и место написания Лечебника, а также установить личность писца. Из «Списков иерархов...» П. М. Строева следует, что архимандритом новгородского Антониева монастыря в 1655–1688 гг. был Макарий [Строев 1877: 59]. На первом листе Лечебник датирован 1686 г., поэтому можно с большой долей вероятности предполагать, что эти «два» антониевских архимандрита Макария — одно и то же лицо. Следовательно, сам писец Лечебника — Иван Иванов, диакон новгородской церкви⁹ в честь иконы Знамения Пресвятой Богородицы, находившейся на Ильине улице. О личности и жизни этого диакона удалось выяснить только то, что в 1685–1686 гг. он проживал на дворе Кириллова монастыря на той же Ильине улице [Анкудинов 2003: 204]. Указание на книгу сенного иеродиакона, с которой списан настоящий Лечебник, позволяет утверждать, что диакон Иван Иванов только переписал уже существующий перевод, а не делал его самостоятельно. Кем был этот сенный иеродиакон Никодим Корнильев, выяснить пока не удалось. Естественно только предположить, что он был одним из монахов, служивших (возможно, и проживавших) на Владычном дворе Великого Новгорода, где было не менее двух храмов «на сенях»: Рождества Христова и Св. Евфимия Великого [Петров 2014: 125]¹⁰.

Таким образом, время и место написания рукописи известны, известно даже имя писца. Однако даже при беглом просмотре текста Лечебника оказалось, что не все отражённые в нём акцентуационные диалектизмы соответствуют новгородской зоне. В связи с этим настоящая работа, претендуя на полноту описания источника, имеет своей целью более точную локализацию говора писца Лечебника на основании в первую очередь ак-

⁹ Сейчас на месте этой церкви стоит одноимённый собор, строившийся во время написания Лечебника [Секретарь 2009: 220].

¹⁰ «Владычный двор (...) прежде всего, это монастырь, которым управлял епархиальный архиерей» [Петров 2014: 133]. Многочисленные новгородские документы, имея в виду Владычный двор, говорят «у владыки на сенях», поэтому первое, что стоит предположить о человеке, которого называют *сенным иеродиаконом*, это его служение при Владыке (из устного сообщения В. А. Волхонского).

центуационного материала рукописи, а также с учётом данных фонетики и грамматики¹¹.

В соответствии с целью работы (уточнить локализацию говора писца Лечебника) разбор акцентуации рукописи представляет собой описание не всей системы расстановки ударений в тексте источника, а только диалектно значимых точек микросистемы¹². Набор таких точек взят из работ А. А. Зализняка в соответствии со схематическими картами [Зализняк 2014: 72–104] и описанием акцентных систем XIV–XVII вв. [Зализняк 2010: 241–370]. Известный схематизм этих карт [Там же: 241] предполагает необходимость обращения к разбору примеров, извлекаемых непосредственно из исследованных А. А. Зализняком памятников, а локализация говора писца исследуемой рукописи по акцентологическим данным скорее представляет собой сравнение с акцентными системами известных (из указанного описания) источников, а не простое выявление области на карте, ограниченной изоглоссами. Таким образом, задача акцентуационного описания Лечебника в настоящей статье сводится к поиску (среди описанных А. А. Зализняком рукописей) памятника, наиболее близкого по своим акцентным характеристикам к исследуемому источнику.

1. Акцентуация имён существительных

1. М. ед. в а. п. с

Здесь рассматриваются формы loc. sg. на *-u* (*y ĭ-fem.*) и *-y* (*ǫ* и *ŷ-masc.*). Общий список примеров поделён на две части в соответствии с так называемыми «основным» и «дополнительным» материалами; о факторах, влияющих на акцентировку этих форм и служащих для разделения материала, см. [Зализняк 2010: 245–246].

ĭ - f e m .

Примеров немного, однако в Лечебнике засвидетельствовано только флексивное ударение в таких формах: *в ноцѣ* (11 об.), *в ночѣ* (73 об.), *в печѣ* (16), *в печѣ* (17 об.). Подтверждением закреплённости такой акцентировки, возможно, служат также единичные случаи оттяжки ударения на окончание у слова *кадь*, принадлежащего а. п. а: *в кадѣ* (115 об.), *у кадѣ* (115 об.)¹³ — при регулярном *в кади* (115 об.*2, 116, 117*2, 117 об., 119).

¹¹ Полностью расписано 40 (из 143) листов рукописи: лл. 6–20, 65–79 об., 132–143. Из остальной части Лечебника материал привлекался выборочно.

¹² Из перечня таких точек исключены те, которые не дают никакой информации в связи с отсутствием соответствующего материала в Лечебнике (2 pl. praes. глагола и некоторые другие).

¹³ Т. к. в Лечебнике есть примеры мены *в/у* в начальной позиции, данное написание считается отражающим эту фонетическую особенность исследуемой рукописи.

ǫ -, ь - masc.

В основном материале ударение, как правило, флексивное: *на ве(р)/ху тѣла* (68) (sic!), *в духу* (107), *в квасу* (118), *о листу дубѡво(м)* (141 об.), *в меду* (31, 138*2), *в мо(з)гу* (6), *в пару* (107, 115 об.), *в соку* (7 об., 18), *о соку* (8 об.), *в тазу* (16), *о щавью* (142), однако есть несколько отклонений: *о духу* (2), *на жару углено(м)* (17), *в соку* (17 об., 32, 70 об.). Эти отклонения не мешают относить памятник к «восточной» зоне, которой свойственно флексивное ударение в М. ед., т. к. зона наосновного ударения в М. ед. на -у шире, чем в М. ед. на -и [Там же: 245].

Подтверждает предположение о расположении говора писца Лечебника восточнее рассматриваемой изоглоссы и дополнительный материал. При ожидаемом господстве наосновного ударения: *в то(м) вѡску* (24), *о смердяще(м) духу* (17 об.) киноварь, *на во(л)номъ жару* (133, 134), *о сухо(м) кашлю* (139 об.), *о насмо(р)ку* (17) киноварь, *о ѡмороку* (8 об.) киноварь, *в то(м) пару* (115 об.), *в том соку* (17), *в то(м) соку* (19 об.), *в то(м) цвѣту* (67), есть несколько случаев флексивного: *на во(л)но(м) жару* (132*4, 133 об., 134*2), *в кишнецу* (14), *на которо(м) углу* (116), *в целоку* (9 об.).

2. М. мн. на -гъхъ (-ихъ) в а. п. с

И в основном материале (односложные основы): *в брашине(х)* (113), *в кѡстехъ* (74), *во ѡче(х)* (13, 13 об.) киноварь, *в трѡсте(х)* (18), *о угре(х)* (20), *во/ушчехъ* (18 об./19), *во ушех* (19), и в дополнительном: *в мазуне(х)* (8), *о дву(х) немоче(х)* (8 об.), находим только начальное ударение. Одно слово колеблется (примеров начального ударения значительно больше, чем флексивного): *в грудѣхъ* (29*2, 29 об.) и *в грудѣхъ* (2, 29 об.*3, 30*2, 30 об., 137 об.).

Формы на -ахъ наряду с ожидаемым флексивным ударением: *в бокѡхъ* (70), *очѡхъ* (11 об.*2, 15 об.), *в парѡхъ* (119 об.), *о шелудѣхъ* (10 об.) киноварь, часто выступают и с наосновной акцентровкой. Часть таких случаев объясняется многосложностью основы: *немоча(х)* (12), однако никаких причин для наосновной акцентровки для большинства примеров не находится: *в вѣкахъ* (12), *в вѣка(х)* (14), *во ѡча(х)* (11 об.), *в ѡчахъ* (15 об.), *о ушахъ* (18 об.), *въ гѣства(х)* (8) [Там же: 272, 280]. Один пример объясняется дефинализацией ударения в конкретной лексеме: *о прыща(х)* (12) киноварь, при регулярном *прыщи*.

Материал отражает исконное ударение в данной форме, характерное для восточной зоны [Там же: 283].

3. Существительные с суффиксом -от-а

Существительные с суффиксом -от-а регулярно выступают в Лечебнике с флексивным ударением: *ломѡта* (101 об.), *о(т) ломѡты* (101), *ломѡту* (101 об.), *к ломѡтъ* (101); *мокрѡта* (регулярно), *мо/крѡта* (6), *мокрѡты* (6, 66 об.) Род. ед., *от мокрѡты* (17), *о(т) тоѡ мокрѡты* (6), *ѡ главнѣя мокро-*

ты (6 об.), *мокроту* (33 об., 106, 120), *о мокротѣ главнѣй* (6), *мокроты* (26) Вин. мн.; *неч(с)тотà* (139), *неч(с)тоты* (регулярно) Род. ед., *к неч(с)тотѣ* (22 об.), *неч(с)тоту* (регулярно), *неч(с)тотѣ* (2, 10 об.) М. ед., *о неч(с)тоты* (21 об.), *нечистоты* (10 об.*2, 138) Вин. мн., *неч(с)то/ты* (11) Вин. мн., *неч(с)тотѣ* (22; Вин. мн.); *на (р)воту о/чнуо* (14 об.); *темноту* (13 об.); *теплотà* (5, 11 об., 66 об.*2, 73 об., 74); *теснотà* (137 об.); *о(т) тощеты* (118); *шепотà* (101 об.), *о(т) шепоты* (101 об.), *щепоту* (3 об., 101 об.).

Отклонения от указанной схемы единичны: *ломѣту* (101), *с ломѣтою* (104 об.), *о(т) свербѣты* (107 об.), *о ... свербѣте* (3 об.), и отражают исконное ударение. Особо стоит пример *добрѣту* (120), который явно подвержен влиянию книжного ударения, возможно, в этом причина появления суффиксального иктуса и у остальных отклонений. Наибольшие сомнения вызывает пример *ломѣту* (104 об.), который, видимо, свидетельствует о возможности акцентовки этого слова в соответствии с а. п. с. Вероятно, такое изолированное употребление стоило бы исключить из разбора как гапакс [Зализняк 2010: 199–200], однако встретилась форма *о ломѣтнѣй* (3 об.), которая возможна лишь при а. п. с. производящей основы или вследствие смены прилагательным акцентной парадигмы в соответствии с новым семантическим критерием [Там же: 301]. Последовательность инновационной флексивной акцентовки *-от-à*, фактически отражающей доминантность этого суффикса в микросистеме Лечебника, поддерживает гипотезу об отнесении исследуемой рукописи к восточной акцентной зоне, которая была очагом распространения этой инновации [Там же: 289].

II. Акцентуация имён прилагательных

1. Нечленные формы прилагательных а. п. с и а

В данном разделе рассматривается только основной материал (главные нечленные формы (Им. ед. и мн. на *-ы*), выступающие в предикативной функции)¹⁴.

В а. п. а ударение в основном исконно: *бобѣва* (105 об.), *и(з)вѣстна* (22), *и(з)вѣстно* (113 об., 120), *дѣлго* (28 об.), *дѣлмчата* (102), *едѣна* (119), *клеевѣто* (21), *крѣпово* (28 об.*2), *лѣгко* (32 об.), *бе(з)мѣрно* (104), *осѣбна* (11, 104), *охѣчи* (119) Им. мн., *пѣдо(к)* (118), *полѣнь* (101), *пѣлны* (5 об.), *сѣлны* (117 об.), *сѣучно* (119), *сѣро* (101), *истѣмно* (116 об.), *чѣсто* (15 об., 16 об.), *не чѣсты* (108 об.), *о(д)нолѣчно* (117), *угѣдно* (120) и др.

Отклонений по модели «*чистà*» три: *бобѣвы* (21), *синя* (14 об.), *чистà* (133 об.). В одном случае при переносе со строки на строку находим два ударения: *чѣ/стà* (134).

¹⁴ Подробнее об основном и дополнительном материале для прилагательных и причастий см. [Зализняк 2010: 290–291].

В а. п. с большинство примеров также отражают исконное ударение: *блѣдно* (36 об.), *глухо* (116), *горко* (36 об.), *густо* (регулярно), *жарка* (5 об.), *жарко* (116), *жестокà* (36 об.), *житко* (17, 25 об.), *каковà* (120), *клѣйко* (24 об.), *клѣино* (21), *клѣе(с)тно* (30), *крóвавы* (11 об.), *крѣпко* (17 об., 115 об., 117 об., 118), *лѣпко* (10), *мóчно* (регулярно), *немү(т)но* (12), *мѣлко* (регулярно), *мягкà* (71 об.), *плóтно* (115 об.), *свѣтлы* (17), *страшнà* (26 об.), *сухà* (23), *сухо* (13 об., 17 об., 36 об., 105), *сухи* (11 об., 21, 101), *тóно(к)* (36 об.), *тó(н)ки* (120), *на ср(д)цо тóцо* (141 об.)¹⁵, *туги* (5 об.*2), *тѣсно* (115 об.), *не(х)мѣлно* (115), *худà* (5 об.), *чáсто* (регулярно) и др.

Отклонение *крóвавы* (23 об.), видимо, связано с тем, что это прилагательное начало полностью переходить в а. п. а: ср. ниже *крóвавое* (120) и др.¹⁶

Отклонение *клѣйка* (10) может быть обусловлено девокализацией последующего *-и-* и поддержано переходом глагола в а. п. а.

Отклонения по модели *жѣва* встречаются, но, видимо, должны объясняться книжной выучкой писца, т. к. с предфлексивно-ударными формами ж. р. а. п. с соседствуют также предфлексивно-ударные формы а. п. b: *нигуста* (110 об.), *аще ли чѣрна и густа вода та* (4), *что(б) былà не густа* (132); *водà жарка не бывает* (5); *и буде(т) масть ни житка ни густа* (37 об.); *тóща головà* (116 об.); *тѣло буде(т) чѣрно* (36 об.) [Зализняк 2010: 290–291].

В остальном ударения слов а. п. b исконны: *бѣлà* (110), *добръ* (110), *зеленò* (103*2), *мокрò* (120), *свѣжà* (23), *тяжелò* (118 об.) и др.

Отклонения встретились в словах *зѣлень* (111*2), *зѣлено* (140 об.), *мѣртво* (111), которые повсеместно в XVII в. дают новое ударение кратких форм по а. п. с [Зализняк 2014: 390, 363].

2. Членные формы прилагательных а. п. с

Большая часть членных форм прилагательных а. п. с сохраняют флексивное ударение¹⁷: *злѣвѹ болнѹю* (7), *бо(л)нѹю пояснѹю* (76), *мѣсто болнòе* (72, 73*2,75) Вин., *мѣсто бо(л)/нòе* (76), *в уxo бо(л)нòе* (19), *на бо(л)нòе мѣсто* (69), *к мѣсту бо(л)нòму* (72, 72 об., 73), *к составу болнòму* (72 об.), *на бо(л)нѹя очи* (sic!) (14 об.), *во уши бо(л)/нѹя* (19 об.), *к бо(л)нѹм очамъ* (17), *к бо(л)ны(м) / ушамъ* (19 об.), *к болны(м) истамъ* (78), *со(к) бри(т)кѹй* (11 об.) Им. ед., *сòкъ бри(д)кѹй* (18 об.) Им. ед., *травà / ... воденàя* (76 об.), *вò водянòва отòку* (67 об.), *вò нѣмоци водянòй* (67 об.), *воденòй недугъ* (67) Вин. ед., *водянòй ... недугъ* (67 об.) Вин., *ото(к) водянѹй* (67 об.) Вин.,

¹⁵ Слово *тощй* имеет в Лечебнике регулярную новую акцентовку по а. п. с (ср.: *нà(т)ше ср(д)це* (75), *нàтшио сѣрцо* (139 об.), *нàтшио ср(д)цо* (141)).

¹⁶ Ср. [Зализняк 2010: 294] об этом прилагательном.

¹⁷ Перечень не исчерпывающий, жирным выделены прилагательные «среднего звена», наиболее интересные для рассмотрения, т. к. в разных говорах с разной скоростью они приобретали (или не приобретали) новое ударение [Зализняк 2010: 310–311].

водяной ото(к) (71*2) Вин., *болѣсть главнѧя* (7 об.), *болѣ(з)нь гла/внѧя* (10), *ѿ главнѧя мокротѧ* (6 об.), *и(з) главнѧя жѧлы* (14), *ѿ мокротѣ главнѧй* (6), *болѣсти главнѧя* (8 об.) Вин. мн., *неч(с)тотѧ главнѧе* (10 об.) Вин. мн., *из мо(з)га глѧвнѧго* (7 об.) киноварь, *ѿ нѣмочи глѧвнѧ(и)* (7), *нѣмо(ч) глѧвнѧю* (7 об.), *болѣ(з)нь глѧвнѧю* (7 об., 9 об., 10 об.), *нѣмочь глѧвнѧю* (7, 8 об., 73, 73 об.), *неч(с)тотѧ глѧвнѧю* (10 об.), *на ра(з)шибѣнѧе глѧвнѧе* (10), *о ра(з)шибѣ/нѧи глѧвнѧомѧ* (10) киноварь, *ѿ нѣмочи глѧвнѧй* (9 об.) киноварь, *ѿ неч(с)тотѣ глѧвнѧй* (10 об.) киноварь, *недѣги глѧвнѧе* (8 об.) Им. мн., *неч(с)тотѧ глѧвнѧ(я)* (10 об., 11) Вин. мн., *на я(з)вы глѧвнѧя* (10), *на глѧвнѧе рѧны* (75 об.), *сахѧру головнѧго* (9, 10, 65, 67) Род. ед., *ѿ болѣ(ст)и / головнѧя* (7 об.), *стѣденость* (sic!) *головнѧю* (73), *с сахѧро(м) головнѧмѧ* (73), *о ѡморѡку головнѧомѧ* (8 об.) киноварь, *пилю(л) головнѧхѧ* (6 об.) Род. мн., *на пла(т) густѧй* (70), *вѣтрость густѧю* (8 об.), *густѧю ... мѡкрость* // (75 об.), *ѿ густы(х) мѡкростѧй* (65) Род. мн., *древѧнѧй* (136) Им. ед. м., *мѧсла деревѧнѧго* (132), *мѧсла деревѧнѧго* (132), *на деснѧй странѣ* (11 об.), *дневнѧе спѧнѧе* (73 об.) Вин., *мѧсла деревѧнѧго* (73, 75, 76 об., 69, 69 об.) Род., *мѧсла дре/вѧнѧго* (133), *древѧнѧго мѧсла* (20, 78 об.), *с мѧсло(м) дре/вѧнѧмѧ* (70), *со елѣомѧ / деревѧнѧмѧ* (78), *с деревѧнѧмѧ мѧсло(м)* (142), *в мѧсле деревѧнѧомѧ* (19 об., 78), *другѧй* (132) Им. ед. м., *другѧй* (137) Им. ед. м., *дубѡвоѧ* (13), *жѧркѧе* (103 об.), *и(з)вести живѧе* (73) Род., *кѣрицу живѧю* (9), *живѧю мѧшѧ/* (143), *ме(ѡ) ... жѧиткѧй* (17) И. ед., *мѧсть жѧиткѧя* (12, 14, 65 об., 73 об., 74, 76 об., 16 об.), *мѧсть жи(т)кѧя* (13 об.), *а жи/ткѧе что вѧще-дитѧ* (73) Им. ед., *мѧсть жи(т)кѧю* (6 об.), *землѧнѧй дѣмѧ* (134 об.), *золѡтѧя травѧ* (13) Им., *кѡре(н) золѡтѧе травѧ* (9 об.) Род. ед., *зубнѧя* (23 об.), *зубнѧю* (23 об.*3, 24*2, 24 об.*2), *о зубнѧхѧ* (23), *и(з)бнѡво* (5 об.), *гѣствѧ кваснѧх* (12) Род. мн., *лѣку кри/вѡво* (76) Род., *с мѣдо(м) с крѣпкѧмѧ* (18 об.), *смѧр(ѡ) / лихѧй* (142) Вин. ед., *лихѧй* (103 об., 118 об.) м., *лихѧю* (102 об.), *сѣмѧ лѧнѧнѧе* (74) Им., *мѧсла лѧнѧнѧго* (69 об.) Род., *сѣмѧни лѧнѧнѧго* (69 об., 15) Род., *сѣмѧни лѧнѧнѧво* (75, 78 об., 69, 132), *сѣмѧ лѧнѧнѧе* (17 об., 78 об., 68, 68 об., 78) Вин. ед., *пла(т) лѧнѧнѧй* (18) Вин. ед., *сѣмѧ лѧнѧнѧе* (69) Вин., *на плѧть / лѧнѧнѧй* (69 об.), *лѧнѧнѧе* (29 об.), *щѧвьѧ лю(ѡ)-скѡва* (134 об., 135, 135 об., 136), *орѣхѧ лестнѧй* (136 об.) Им., *ѿ вѣтрѡсти мо(з)говѧй* (8), *бе(з)сѣлѧе мо(з)говѧе* (8) Вин., *мѡлодыѧ* (117 об.) Род., *мѡлодыѧ* (116 об.*2) Вин. мн., *морѡвѧя болѧчка* (142) Им., *пѣны морскѧя* (16 об.), *мѡчевѧя* (3) Род., *мѡчевѧй* (4) Род., *мѡчевѧю* (30 об.), *в мястнѧй дѣнѧ* (67), *мястнѧя* (117 об., 118) Вин. мн., *но(ж)нѧй* (103 об., 104, 104 об., 105 об.), *но(ж)нѧй* (104*2, 104 об., 105 об.), *ѿ ѡпухѡли ножнѧй* (70 об.), *ото(к) но(ж)нѧй* (68, 71 об.) Вин., *ото(к) но(ж)нѧй* (68) Вин., *ножнѧю* (104 об., 105 об.), *цѧнгѧ ножнѧю* (72), *ко ѡтѡку но(ж)нѧму* (67 об., 71 об., 72), *к цѧнгѧ ножнѧй* (72), *пѡдо(ш)вы / но(ж)нѧя* (8 об.) Вин. мн., *к жи/ламѧ ножнѧмѧ* (71 об.), *но(ж)нѧя* (8 об.) Вин. мн., *соблѧ(з)нѧ ночнѧя* (79) (sic!) Им., *[спѧнѧе] ночнѧе* (73 об.) Вин., *нѣмочь ... очнѧя* (15), *очнѧя пѡмо(ч)* (134 об., 135 об.), *ото(к) очнѧ(и)* (12 об.) Вин. ед., *тѣмнѡсть очнѧю* (13 об.*2), *темнѡту очнѧю* (13 об.), *б[олѣ(з)нь] очнѧю* (15), *нѣмо(ч) очнѧю*

(15*2), на (р)воту о/чную (14 об.), гноєніє очное (13) Вин. ед., прѣніє очное (14) Вин. ед., ко ... / ото(ку) очно(му) (14), к ... недугу очно(му) (15), о темности очно(и) (12) киноварь, немочи очныя (15) Вин. мн., на ... / болѣ(з)ни очныя (14 об.), вѣка очныє (14) Вин., о ины(х) / неч(с)тота(х) очныхъ (12) киноварь, парное (107 об.), бѣрха(т) простой (135) Им. ед. м., мятя (sic!) простая (134 об.) Им., опіоньи простой (135) Род. ед. ж., мукі ржанья (68 об., 67, 69, 30, 114, 114 об.), долони ручныя (8 об.) Вин. мн., самой (103 об.), и(з) святово дѣрева (136), сала свинаго (69 об.) Род., сала свинова (69, 133) Род., сало свиное (133) Вин., с саломъ / ... свинымъ (69), и(з) соло(д)каго дубца (136, 28, 30 об., 115, 119 об.), сухіи каше(л) (141) Им. ед., сухіи / кашель (141) Им. ед., сухой (27 об., 37 об.) м., сухая (33), сухое (112 об.), сухого (5 об., 34 об., 35, 69), сухую (32 об.), яго(д) сухих же (68 об.) Род. мн., сухія (29 об.) Вин., с сухими (114 об.), на (т)шую утробу (137 об.), на / тощую утробу (138), на (д)шую утробу (138 об.), на тощую утробу (140, 142 об.), немочь ушную (18 об., 19 об.*2), ко ... отоку ушному (19 об.), ω ушныхъ болѣзняхъ (18 об.), хмельнаго (2), худую кровь (139 об.), черная (5).

Также флексивное ударение, вероятно, исконное, имеет не вошедшее в [Зализняк 2014] ещё одно прилагательное с суффиксом -к-: о(т) пры(д)-кого (5 об.).

Отклонения от исконной флексивной акцентировки среди прилагательных «среднего звена» имеют только горький и крѣпкий, причём у второго ударение колеблется (см. выше): гóркя (5 об.) Род., гóрки(х) (12), крѣпки(м) (107). При последовательном густый, житкий (примеры см. выше) для этих слов есть по одному примеру, отражающему колебание: о(т) густья (31 об.), житкая (16 об.). Ударение прилагательного прѣсный, также относимого к среднему звену [Зализняк 2010: 311], колеблется и явно находится на пути от флексивного ударения: прѣсной (17) м., пресный (32, 108), пресново (21 об., 25 об., 33, 33 об., 34, 34 об., 102, 114*2, 114 об.), прѣснымъ (11, 12, 12 об., 20, 21 об., 22, 28, 33, 34, 35, 36, 112*2, 112 об.) и др. — к наосновному: прѣсны(и) (25), прѣсного (102 об., 103 об., 26 об., 27 об., 33*2, 33 об.), прѣсны(м) (8, 10 об., 13 об., 14, 15, 19, 25, 27 об., 29, 31, 32*2, 34*2, 35 об., 104, 112, 114 об.), прѣсныя (115) Вин. мн., прѣсно(м) (31) и др.

Из прилагательных, уже к XVI в. (по данным [Зализняк 2014: 310]) сменивших ударение на наосновное, встретились: лѣвую (5 об.), мя(к)кой (27 об.) м., новые (16).

Следствием книжности представляется новое наосновное ударение в примерах: сладкой (32 об.), сла(д)кия (34), сланный (11 об.), срамных (119) Род. — неполногласие, ср. полногласное солодкой в списке выше; о слезно(м) (12) ср. [Зализняк 2010: 311], брашеннаго (32).

Прилагательное кровавые (120 об.) Род., кроваво(м) (2, 2 об., 34 об.), кровавы(м) (14), кровавое (18*2, 35*2), кровава(го) (20), кроваваго (34 об., 35), кровавое (17 об., 35), кровавые (26) Вин. мн., как уже отмечалось вы-

ше, повсеместно перешло в а. п. *a.*, возможно, под его влиянием этот переход совершило и прилагательное *крóвное* (17, 26), *крóвнаго* (17, 35, 37), *крóвные* (26) Род.

Прилагательное *печé(н)ное* (37), *печénныя* (37 об.) Род., *печénную* (35), *печénно(и)* (2) М., *печénные* (37) Им., *печénны(м)* (37 об.) сменило исконный флексийный иктус явно под влиянием *селезénный*¹⁸ (см. ниже), с которым очень часто идёт в паре. Пример *пéченные* (32 об.) Вин. мн. — единственный с таким ударением, — видимо, является писцовой ошибкой, появлению которой поспособствовало начальное ударение производящего существительного.

Прилагательное *окунёвою* (118 об.) Тв. ед. ж., видимо, приобрело такое ударение под влиянием рядом стоящего *снеткóвою* (118 об.) Тв. ед. ж.¹⁹

Среди остальных случаев наосновного ударения в прилагательных старой а. п. *c* следует особо отметить: *вóдную* (120) и *древя́наго* (102 об.), *з древя́ны(м)* (13 об., 107) — возможно, они сменили иктус, чтобы отличаться от *водяно́й* и *деревяно́й* соответственно.

Прилагательные *зубная* (23), *зубну(ю)* (23 об.), *но́(ж)ны(м)* (9 об.) Тв. ед. м. встречаются с наосновным ударением и в других памятниках XVII в.

Таким образом, ничем не мотивированных и не встречающихся в других памятниках случаев наосновного ударения в прилагательных исторической а. п. *c* в Лечебнике всего три: *го́ловны(м)* (7 об.) Тв. ед., являющееся явной ошибкой писца, см. в основном списке *головно́й*, *гру́дны(х)* (34) М. мн., *пóльская* (105).

Прилагательные а. п. *a* также в большинстве своём сохраняют исконное ударение: *блудный* (119) Вин. м., *бобóво(и)* (21 об.), *бобóвую* (29), *вели́кой* (11 об.) Им. м., *гноевáтые* (105 об.), *го́рленой* (27) м., *го́рленое* (27), *ку́рячей* (113 об. и всегда), *кро́повы(м)* (28 об.), *ли́чно(м)* (20) Дат. мн., *ли́шиново* (120), *ли́шинье* (106) Род. ед., *о[т] ломóтные* (102), *ма́ковое* (109 об.), *ма́лыя* (31), *млéчное* (29 об.), *млéчно(м)* (29 об.), *мо́кростное* (13), *плю́чная* (30, 37*2), *плю́чную* (30 об.), *плю́чные* (30 об.), *плéчные* (32, 32 об.) Вин. мн. ‘плючный’, *пра́вую* (5 об.), *о ртя́ны(х)* (2), *ртя́нное* (104 об.), *селезénныя* (37 об.) Род., *о селезénно(и)* (2) М., *селезénны(м)* (37 об.), *я́шной* (118 об.) м. и др.

Среди примеров с флексийным ударением большинство прилагательных а. п. *a* повсеместно либо имеют полные формы, регулярно акцентуированные в соответствии с а. п. *c*, либо достаточно регулярно встречаются в XVII в. с широко распространившимся новым ударением: *бо(л)и́я* (31, 33), *личну́ю* (20 об., 22), *к лично́(и)* (22 об.), *о лично́(и)* (21 об.), *личны́е* (20*2, 21*2, 21 об., 22, 22 об.), *личны́я* (20 об., 21, 22 об., 22 об.), *лично́мъ* (2) М., *ртяно́й* (25, 25 об.), М. ед., *ртяну́ю* (25), *ртяны́е* (8, 36) Вин. мн., *воды́ /*

¹⁸ Слово *селезень* колеблется по роду, но явно имеет а. п. *a*: *селезёно* (36, 36 об.), *селезёни* (37, 37 об.) — Дат. ед. в обоих случаях.

¹⁹ Слово *о́кунь* имеет а. п. *c*, *снѣто́къ* — а. п. *b*.

*речной*²⁰ (66) Род. ед., *в воду рѣчную* (7, 13 об., 20), *в водѣ речной* (69), *речныя* (115) Род., *сырой* (11, 104, 112, 118 об.) Им. м., *сырая* (111 об.), *сырую* (30, 111 об., 114), *сырымъ* (34 об.) ед., *сыры(х)* (30 об.).

Ещё два прилагательных сменили место ударения, оставшись в а. п. а: *куръче(и)* (114), для которого такое, новое, ударение появляется в конце XVII в. [Зализняк 2014: 247], и *вѣпревымъ* (108), для которого такого отклонения в ударении не отмечено в [Там же]²¹.

Прилагательные *горляную* (27 об., 8 об.), *горляное* (27 об.*2, 29, 30 об., 31, 35), *горленыхъ* (26 об.) М. мн., *плечные* (28, 32) Вин. мн. 'плечный', видимо, пытаются перейти в а. п. с (в Лечебнике колеблются) как прилагательные, относящиеся к частям тела (ср. *ртяный* выше).

Остальные отклонения от исконного наосновного иктуса, вероятно, тоже связаны с началом формирования распределения ударения в прилагательных в соответствии с семантическим фактором [Зализняк 2010: 310]: *коневья* (19), *о ломотной* (3 об.), *пропустное* (2 об.), *слуденую* (115 об.), *слуденя* (116) Вин. мн., *составные* (25 об.) Им. мн.

В целом ударение членных прилагательных а. п. с в Лечебнике мало изменилось в сравнении с исконным состоянием. Почти все прилагательные «среднего звена» имеют флексивное ударение, у остальных оно колеблется, и только одно прилагательное «среднего звена» *горький* не встретилось с флексивным ударением. Более того, прилагательные а. п. а получают незаконное флексивное ударение достаточно широко. Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности отнести исследуемый Лечебник к «зоне архаизмов» (фактически новгородские и кирилло-белозерские памятники и их ближайшее окружение), причём к той её части, где преобладает флексивное ударение прилагательных с суффиксом -к- [Там же: 314–316].

III. Акцентуация глагольных форм

1. Деепричастия на -а, -я в а. п. с

Слова, входящие в «группу *стоя*» [Там же: 326], имеют конечное ударение: *сѣдя* (119 об.), *хотя* (регулярно), как и все остальные встретившиеся примеры: *сваря* (102 об.), *лежѣ* (66 об.), *ложася* (9, 21, 141 об.), *залгья* (12 об.), *смотря* (116, 117, 117 об., 141 об.), *студя* (133, 134*2), *застудя* (119 об.), *устудя* (133 об.), *изсушѣ* (142 об., 143), *исцедя* (119 об.), *процедя* (16 об.).

²⁰ Есть пример, возможно, отражающий колебания: *воды рѣчныя* (77 об.) Род.: первая оксия значительно светлее второй, вероятно, она была выскоблена как ошибочная.

²¹ Мотивирующее его *вепрь* перешло из окситонированной акцентной парадигмы в баритонированную позже, ещё в XVII в. нормально Род. ед. *вепря*.

2. *-еп-причастия*

В данном разделе рассматриваются главные нечленные формы, выступающие в предикативной функции, дополнительный материал включён в разбор только в случае флексийного ударения.

В а. п. *b* ударение корневое: *смѣше(н)* (16 об., 29, 34, 113 об.), *смѣшена* (регулярно), *смѣшено* (регулярно), *смѣшены* (105); *по(д)сычено* (регулярно).

Ударение причастий от глаголов а. п. *c* преимущественно флексийное: *варёнъ* (29, 32, 105, 111), *варенà* (8 об., 23 об., 24, 66, 67 об., 68 об., 72, 75 об., 76, 76 об., 78, 78 об., 104, 110*3, 11 об., 114, 117; очень много, регулярно), *варену* (30, 110), *варенò* (20, 23 об., 27 об., 30 об., 31, 32 об., 35 об., 65 об., 71 об., 105, 109 об.), *варены* (30 об., 31 об., 76 об.), *поваренà* (113 об.), *ро(з)веденà* (19), *ро(з)веденò* (31), *созжены* (113 об.), *положенà* (30 об.), *приложенà* (12 об., 71 об., 72, 78²², 104, 110), *не студенò* (4, 36 об., 66, 116 об., 118 об.), *ра(з)творены* (37), *сотворены* (120), *то(л)чёнъ* (10, 27 об., 31 об., 34, 113 об.), *то(л)ченà* (31 об., 33, 35, 36, 67 об., 67 об., 68, 71, 72, 72, 74, 75 об., 76 об., 78, 104, 105, 105, 110, 111 об.), *то(л)чену* (108, 109 об., 110) *то(л)ченò* (20, 24, 31, 33, 34, 68, 68 об.*2, 74, 74 об., 75 об., 109 об., 112), *то(л)чены* (11, 26 об., 28 об., 30 об.), *исто(л)чёнъ* (21), *исто(л)ченà* (14), *сто(л)ченà* (21), *сто(л)ченò* (102), *исто(н)ленò* (116 об.), *учиненà* (117 об.).

Таким образом, акцентуация страдательных причастий на *-еп-* (для а. п. *b* корневое ударение, для а. п. *c* — флексийное) однозначно относит исследуемый Лечебник к восточной акцентологической зоне, которая не захватывает новгородских памятников [Зализняк 2010: 340; 2014: 99]. Именно этот факт заставил усомниться в новгородском происхождении писца настоящей рукописи. Схематическая карта № 16 [Зализняк 2014: 99] отражает два региона, которым свойственна такая схема акцентовки страдательных *-еп-причастий*: основная часть восточной зоны и небольшая область широкой промежуточной полосы между западом и востоком. С памятниками, входящими в эти два разорванных ареала, и будет проводиться сравнение остальных акцентуационных черт Лечебника.

Отклонения *варе(нь)* (16 об.) и *испечены* (sic!) (115), возможно, отражают древнейшую акцентовку причастных форм как энклиноменов, что, безусловно, маловероятно, однако никаких других объяснений такому иктусу не находится.

Ударение в форме *ростòплено* (22) объясняется повсеместным переходом глагола *топѣти* в а. п. *b* в XVII в.

Для форм *соблюдéно* (12), *совершéна* (113), *зжéно* (113), *по(д)сычéна* (27 об.), *толчéна* (11, 106, 110, 112 об., 113, 113 об.), *то(л)чéно* (37 об., 113, 113 об.), видимо, следует предполагать предфлексийную книжную акцентовку [Зализняк 2010: 334]. В первых двух случаях она ожидаема вследст-

²² *приложѣ/на*: переписчик ошибочно решил, что перед ним императив.

вие книжного характера глаголов *блюсти* и *совершити*, в остальных, вероятно, её причина в чрезмерной книжности писца.

Все эти отклонения от основной (и регулярной!) флексийной акцентуации кратких страдательных *-ен*-причастий не отменяют локализации исследуемой рукописи в восточной акцентуационной зоне.

3. Инфинитивы с исконным ударением на *-ти* (*-чи*, *-ци*)

Все инфинитивы а. п. с, имеющие перед конечным *-и* две согласные, сохраняют исконное флексийное ударение: *блүстїся* (4*2, 116 об.), *навестї* (114 об.), *ро(з)вестї* (71 об., 107 об.), *огрестї* (101 об.), *принестї* (115 об.), *скрестї* (139 об.) ‘соскрести’; в а. п. *b* конечное ударение сохраняет только инфинитив *ит(т)ї* (107), у глагола *-терти* иктус сместился на основу: *тёрти* (11), *тёрть* (6*2, 79), *тёртїся* (139 об.), *истёрти* (9 об.), *истёрть* (29, 79), *стёрти* (75), *стёрть* (4, 79), *утёрти* (75). Глаголы а. п. с с основой на гласный утратили наконечное ударение: *нїти* (27 и др.), *взїти* (7 об., 8, 8 об., 10 об., много), *бїнїти* (72 об.), *по(д)нїти* (26 об.), *ро(з)нїть* (116 об.), *снї(т)* (6 об.). Дважды встретилось *пїти* (27, 65 об.) — вероятно, ошибка. В группе глаголов а. п. с с основой на заднеязычный Лечебник отражает колебания в месте ударения при значительном преобладании наконечного иктуса: *берёчи* (116 об.), *беречї* (116 об.*2, 117), *беречїся* (6, 12, 18 об., 118*2, 118 об.*2), *жеци* (66 об.), *зажеци* (139), *и(з)жечи* (11), *и(з)жечь* (107 об.), *печи* (117), *печь* (117), *течи* (18, 18 об.), *толочь* (11), *истолочь* (12 об., 28 об.).

4. Императивы с исконным конечным ударением

Все встретившиеся императивы в абсолютном большинстве случаев сохраняют исконное конечное ударение: *зберї* (69 об.), *варї* (8 об., 9*3, 9 об.*3, 12 об., 14 об., много), *наварї* (138), *поварї* (10 об.), *обертї* (102), *прове(р)тї* (15 об.), *про/вертї* (17 об.), *розведї* (12 об., 13 об., 17, 69 об., 76 об., 77 об., много), *привязї* (9), *связї* (139), *заградї* (139), *згрьбї* (12 об.), *держї* (17 об.), *подержї* (13 об.), *за(д)мї* (18), *на(д)мї* (17 об.), *ро(з)дерї* (9), *изо(ж)гї* (18), *со(ж)гї* (15 об., 16, 18, 140, 140 об., регулярно), *со(з)жї* (7, 137 об.), *со(з)жї* (18), *ужгї* (141 об.), *емлї* (10, 16 об.*2, 68 об., 73, 74, много), *кладї* (9), *совокупї* (11), *вложї* (12 об.), *положї* (7, 9, 14, 14 об., 19 об., 69 об., регулярно), *приложї* (7 об., 9, 13 об., 14, много), *о(б)лүпї* (15 об.), *намочї* (77), *о(б)мочї* (7 об.*2, 13 об.), *смесї* (16 об., 141 об.), *вмечї* (139), *носї* (137), *напишї* (139, 141), *пустї* (14 об., 16 об., 142 об., 143), *перепустї* (137 об.), *спустї* (138 об.) *упустї* (11 об.), *осмолї* (143), *смотрї* (140), *посмо(т)рї* (16), *и(з)сушї* (15), *ро(з)сытї/* (75), *творї* (7 об., 16, 16 об., 19 об.), *створї* (141), *изотрї* (13, 13 об., 75, 140 об.), *натрї* (9 об.), *разотрї* (77 об.), *сотрї* (138 об., 140, 140 об.), *утрї* (140), *то(л)кї* (16 об., 71 об., 74, 138), *толкї* (73), *то(л)цї* (137), *толчї* (8, 18, 19*2, 19 об., 68 об., 69*2, 70, 72*2), *не толчї* (14 об.), *исто(л)кї* (7 об., 9,

15 об., 16*2, 18, 20, 70), *и/столкѹ* (14), *исто(л)/кѹ* (139), *и/столицѹ* (9), *исто(л)цы* (142) б/уд, *истолчѹ* (7 об., 17 об.), *и/сто(л)чѹ* (137), *столкѹ* (70), *толчѹ* (8), *не то(л)чѹ* (14 об.), *истолчѹ* (7 об., 17 об.), *истопѹ* (139), *ростопѹ* (70, 77 об., 78 об.*2), *истребѹ* (18 об.), *по(т)русѹ* (75), *процедѹ* (10), *учинѹ* (15 об.), *по(д)сытѹ* (24 об., 32), *седѹ* (107), *прошкнѹ* (72 об.), *имѹ* (143), *возмѹ* (7 об., 8 об. ... много), *соймѹ* (12 об., 101 об.).

Отклонений немного. Пример *вѣси* (9 об., 71) нерелевантен вследствие своей сугубой книжности [Зализняк 2010: 190–191], для глаголов с основой на гласный и йот: *пой* (138), *напой* (18) ‘напой’, очень рано фиксируется утрата конечного *-и* в императиве [Там же: 355], для формы *натри* (106 об.) предполагается ошибка — смешение с ударением индикатива.

5. Перестройка ударения в презенсе *-и-* и *-ѣ-* глаголов

Глаголы а. п. с в основном сохранили флексийное ударение: *болѹтъ* (36 об.), *болѹтъ* (14 об.), *ро(з)валѹтъся* (36), *варѹтъ* (76), *варѹтъ* (20, 21, 22, 27 об., 31, 32 об.*2, 65, 67, 67 об., 68, 73 об., 77, 105, 106, регулярно), *варѹ(м)* (10), *варѹ(м)* (67, 67 об.), *во(з)варѹтъ* (5), *поварѹтъ* (65, 67, 70 об.), *о(б)веселѹтъ* (31), *ѡворѹтъ* (68 об.), *о(т)ворѹтъ* (114 об.), *вредѹтъся* (75 об.), *ра(з)горѹтъся* (66 об.), *живѹтъ* (102 об.), *заживѹтъ* (31, 75 об., 78, 108 об., 111, 112 об.), *покипѹтъ* (12), *укипѹтъ* (32 об., 67, 67 об., 71 об.), *укрѣпѹтъ* (9, 24, 28), *лежѹтъ* (66 об., 75), *лечѹтъ* (143), *прилучѹтъ* (117 об.), *прилучѹтъся* (7, 28 об.), *уморѹтъ* (19*2), *мягчѹтъ* (30, 68*2, 68 об., 71 об., 72), *мя(х)чѹтъ* (69), *ра(з)мягчѹтъ* (31 об.), *пре/мѣнѹтъся* (71), *ра(з)пространѹтъ* (32), *родѹтъся* (8 об.), *оросѹтъца* (15 об.), *нарастаѹтъ* (11 об.), *свербѹтъ* (78 об.), *во(з)смердѹтъ* (120), *творѹтъ* (17 об.), *творѹтъ* (8, 13 об.*2, 17 об., 24, 29 об., 30, 30 об., 31, 32, 32 об., 33 об., 35, 35 об., 114 об.*2, регулярно), *сотворѹтъ* (21, 33), *ростопѹтъ* (19), *истребѹтъ* (20 об., 28, 67, 67 об., 70 об., 71, 77, 78), *истребѹтъся* (67 об., 70 об.), *истребѹ(т)ся* (67 об.), *тушѹтъ* (7, 17 об., 33, 65, 67, 68 об., 77, 78), *тушѹ(т)* (66), *тушѹтъся* (10), *утушѹтъ* (23), *потеснѹтъся* (37), *холодѹтъ* (110), *сохранѹтъ* (28, 66), *процедѹтъ* (78 об.), *процедѹтъ* (37 об., 106), *исцѣлѹтъ* (8, 18 об., 19 об., 27 об., 74 об., 31, 34, 36), *чинѹ(т)* (18 об.) и др.

Отклонения от флексийного ударения отражают развитие «инновации типа *пѹститѹтъ*» [Там же: 361]. Для большинства глаголов такие примеры единичны: *варѹ(м)* (13, 33, 74 об.), *дѣржимѹтъ* (26), *уморѹтъ* (10 об.), *о(з)ноби(т)ся* (111), *мягчи(т)* (70), *не допѹсти(т)* (142), *растопѹтъ* (105), *ростопѹтъся* (28 об., 69 об.²³, 114 об.), *тушѹтъ* (28 об.*2, 30 об., 77). Исключением является глагол *отворити*, в разных памятниках демонстрирующий отклонения от своей исконной а. п. с к а. п. б: *о(т)ворѹтъ* (31, 69, 70*2), *о(т)ворѹтъся* (70), *о(т)ворѹтъ* (67), *отворѹтъся* (103 об.). В Лечебнике этот глагол преимущественно относится к а. п. б.

²³ В примере *растопѹ(т)ца* (69 об.) оксия зачѣркнута.

Ударение глаголов *-ложити* и *-творити* ожидаемо колеблется между корневым и флексивным. Формы *поло́жимъ* (17 об., 31 об., 108), *прило́жи(м)* (15, 105, 110)²⁴, соответствующие акцентровке по а. п. *b*, могут отражать как древность, так и инновацию. Формы с таким иктусом встречаются только в некоторых северо-восточных и московских памятниках [Зализняк 2010: 362]. Ударение *твóритъ* (17 об., 19, 22, 24, 25, 35 об., 68 об., 73 об., 114 об.), *твóри(м)* (17²⁵, 68), *сotвóритъ* (25 об.)²⁶ также, возможно, является не инновацией, а следом праславянского состояния. Такое ударение отмечается «в основном лишь в западной зоне или поблизости от неё» [Там же]. Очевидно, писец Лечебника жил либо на пересечении этих двух областей (что маловероятно), либо хотя бы одно из этих ударений отражает инновацию, а не древность.

Глаголы а. п. *b* имеют в Лечебнике исконное корневое ударение: *во(з)вóдитъ* (66 об.), *извóди(т)* (37 об.), *навóдитъ* (10, 16 об., 73*4, 73 об.*3), *на/вóдитъ* (73 об.), *о(т)вóдитъ* (19 об.*2, 73), *ро(з)вóди(т)* (72), *ро(з)вóди(м)* (27, 31 об., 35 об., 67, 72), *свóди(т)* (75 об.), *згóниши* (15 об., 16), *згóнитъ* (10 об., 13 об.*2, 16 об.*2, 70 об.*3, 71, 71 об., регулярно), *изгóнитъ* (67, 70 об., 76 об., 137, 138*2), *и(з)гóни(т)* (70 об.), *ѡгóнитъ* (13 об., 65*2, 65 об., 137), (70 об.), *кóрмитъ* (12), *ку́ри(т)* (139), *поку́ри(м)* (108), *ло́ми(т)* (101 об.*2, 103 об., 105 об.), *намóчимъ* (19 об., 109), *о(б)мóчи(м)* (7 об.), *ѡстúпитъ* (26 об.), *хвáля(т)* (73 об.), *не дохóдитъ* (70 об.), *исхóди(т)* (6 об., 68) и др. Надёжное отклонение всего одно: *ро(з)водíтъ* (72), в ещё одном случае над формой стоят два знака ударения: *(з)гóнítъ* (70 об.).

В а. п. *a* также абсолютно господствует исконное ударение: *прибáви(ш)* (72 об.), *прибáви(м)* (65), *вíди(т)* (11 об., регулярно), *не вíдитъ* (11 об.), *не вíди(т)* (11 об.) регулярно, *увíди(ш)* (12), *волóжи(т)* (26, 71 об.), *удáри(т)* (11 об.), *уздрáвитъ* (9 об., 12 об., 17, 19, 72 об.), *кóрчатъ* (74), *скóрчи(т)* (74 об.), *умно́жится* (66 об.), *пáритъ* (76), *пáримся* (регулярно), *попáри(м)* (78 об.), *прýжимъ* (78), *рúши/тсѧ* (9), *не слы́ши(т)* (19 об., киноварь, 20, киноварь), *послы́ши(т)* (6), *послы́ши(т)ли* (6), *услýшитъ* (19 об.), *чíсти(т)* (138 об.) и др. Единственное исключение: *парíмся* (105 об., 106), видимо, отражает тематизацию ударения, особенно характерную для северо-западных памятников [Там же: 782].

6. Презенс с неслоговым корнем

Ударение этих глаголов в основном исконное:

а. п. *b*: *íде(т)* (18, киноварь, 137, 140 об., 141), *íду(т)* (11 об.), *во́йде(т)* (18 об., 139 об.), *внíде(т)* (5 об., 11, 11 об.*2, 18 об.), *внíду(т)* (5*2, 66 об.),

²⁴ Встречаются при преобладании флексивноударных: *зало́житъ* (18 об.), *поло́житъ* (78 об.), *прило́жимъ* (68, 68 об.*2).

²⁵ Оксия киноварью, буквы чёрные.

²⁶ Встречаются наряду с флексивноударными: *творíши* (17 об.), *творíтъ* (13 об.*2, 68, 74 об.), *творíту нутру* (7 об.) ‘творит нутру’, с предвосхищением будущих у.

взыдетъ (5, 18 об.), *взойде(т)* (5 об.), *найдеши* (16), *найде(т)* (142), *отойду(т)* (117 об.), *пойде(т)* (18, 18 об., 141), *прійде(т)* (5 об., 6 об., 66 об., 117, 137 об.), *пройде(т)* (139 об.), *взотремъ* (20 об.), *потретъ* (24), *потре(т)* (24), *розотремъ* (36), *ототкне(т)* (115 об.), *начнетъ* (4, 5 об., 18 об.*2, 26 об., 36 об., 66 об., 73), *учнетъ* (4*2, 36 об., 116*3), *име(т)* (142), *во(з)ме(т)* (25), *изыме(т)* (120), *займетца* (139 об.), *найме(т)ся* (115 об.), *оиметъ* (6 об., 23 об.), *оиму(т)ся* (13), *отоймешъ* (75), *отойме(т)* (73 об.), *подоймешъ* (26), *уйме(т)* (очень много, регулярно), *уйме(т)ся* (много, регулярно);

а. п. с: *и(ж)жеть* (5), *сож(ж)ёмъ* (109), *пожреть* (139) 'есть', *изо(л)ётся* (142), *ми/нётъ* (9), *попъёмъ* (35).

Формы *отобьётъ* (8), *о(т)обьётъ* (8)²⁷ отражают повсеместный переход глагола *бити* в а. п. с. Собственно в Лечебнике отклонений от акцентуировки а. п. б два: *на(д)мётся* (77 об., 111), *со(ж)мётъ* (11 об.). Хочется думать, что они отражают восточную модель смены иктуса в глаголах со слабым редуцированным в корне.

В а. п. с все отклонения от исконного ударения в Лечебнике связаны с повсеместным переходом глаголов *жечи*, *мерети*, *пяти* в а. п. б: *да у(ж)е(т)е(т)* (101), *изомретъ* (139), *изомрутъ* (139), *умретъ* (29, 138 об.*2, 141), *напну(т)ся* (5 об.). В исследуемой рукописи переход не завершён для глагола *жечи* (но, возможно, здесь это влияние высокой книжности писца) и не отражено изменение акцентной парадигмы глагола *пити*, также повсеместно приобретшего а. п. б.

7. Ударение глаголов, содержащих приставку *вы-*

Исконно глагольная приставка *вы-* была самоударной, поэтому всегда несла ударение [Зализняк 2010: 146]. В современном языке имеем ударное *вы-* в глаголах совершенного вида, безударное *вы-* — в глаголах несовершенного вида [Там же: 792–793]. Примеры, встретившиеся в исследуемом Лечебнике, отражают современное состояние ударения глаголов с этой приставкой. Корневое или суффиксальное ударение в несовершенном виде²⁸: *выводи(т)* (7 об. и др.), *выгоняе(т)* (8), *вымываемъ* (108 об.), *выпадаютъ* (108 об.), *высушайо(т)* (27), *вытягивает(т)* (103 об.), *вычищайе(т)* (108 об.), противопоставлено приставочному в совершенном: *выведе(т)* (8 об.), *выгони(т)* (111), *выми(т)* (15 об.), *вытянетъ* (111), *вычисти(т)* (108 об.).

IV. Перенос ударения на проклитику

В этом отношении Лечебник уже значительно продвинулся от исконного состояния. Примеров безударных проклитик (даже предлогов) в энкли-

²⁷ Два знака ударения здесь, видимо, отражают колебания в акцентуировании этой формы, но также возможна интерпретация первого из них как неиктусного *исо*.

²⁸ Приводится лишь несколько примеров, потому что это явление отражено в Лечебнике абсолютно последовательно.

номенах достаточно много: *во бра́шине* (8), *о(т) кро́ви* (11 об.), *и(з) но́са* (2, 17 об.), *во у́хо* (18 об., 19*2, 20, 20), *во у́ши* (19*3, 19 об.*6), *во у́шех* (19), *ко у́ше(м)* (19 об.), *ко у́гре(м)* (20, 22 об.), *ѿ кро́ви* (23), *на зу́бы* (23 об.), *на че́тверо* (101), *ѿ не́мочи* (9 об.), *не (х)ме́лно* (115), *по три́ дня* (29). Исконные написания, отражающие перенос иктуса максимально влево (но не на союзы и частицы, кроме *не*), конечно, есть: *во́ рте* (8, 24, 24 об., 25*2, 25 об.*2, 26 117 об.), *ізо́ рта* (25), *ізо рта* (2, 25, 25 об., 35, 35 об.), *на́ двое* (9), *о́ духу* (2), *на́ но(ч)* (10 об., 13, 14 и др), *і́ о(т) / кро́ви* (11 об.), *на́ поро(х)* (12 об.), *на́ голову* (12 об.), *на́ днь* (16 об.*2, 26 об., 108), *і́з носа* (2, 17*2, 18 об.), *ѿ́ крови* (5, 22 об., 26 об.), *на́ зу(б)* (23 об.), *по́ три дни́* (101, 107), *по́ три* (33), *не́мочно* (30 об., 36 об.). По этому параметру Лечебник, видимо, относится к группе памятников «нового типа», в которых написания без переноса ударения на проклитику встречаются не реже, чем старые начальнударные [Зализняк 2010: 284].

Особым образом себя ведут образования наречного типа. Помимо законных переносов ударения на проклитику: *до́густа* (10 об., 27 об.), *о́да(л)* (101 об.), *на́крѣпко* (116 об.*3, 117, 118*2, 118 об.), *до́мягка* (106 об.), *за́просто* (115), *до́суха* (107 об.), *по́частву* (108 об.), находим также ударные приставки при корнях а. п. а: *про́до(л)гу* (18 об.), *по́рану* (6 об.). Явного распределения найти не удалось, тем более что Лечебник отражает колебания в некоторых таких образованиях: *поро́вну* (13, 17 об., 21, 28 об., 29 об. 114, 114 об.) и *поровну* (12, 14, 14 об., 16 об., 28 об. и др). Стоит отметить, что простого и последовательного распределения наречий на имеющие начальное, корневое и конечное ударение нет и в современном литературном языке; в [Там же: 48–49] сделана попытка описать это распределение в соответствии с моделями образования наречий. Лечебник не отражает и такой минимальной последовательности: *спѣ́рва* (116*2), *испѣ́рва* (117), но *до́мягка*, *до́суха* (см. выше) и даже *сполна́* (117), видимо, находясь на пути от одной системы к другой.

V. Фонетика и грамматика

Фонетические и грамматические данные привлечены как дополнительные сведения для локализации памятника.

1. Фонетика

Рукописи XVII в. слабо отражают фонетические явления, свойственные говорам писцов, что, видимо, связано с возросшей грамотностью книжников. В связи с этим в данном разделе рассматриваются все отклонения от этимологически верных написаний. О значимости таких «оговорок» Г. А. Хабургаев пишет: «...следует исходить из того, что любое минимальное отклонение новой черты (если соответствующее написание не может рассматриваться как описка) должно указывать на преобладание этой черты

в речи современников писца; противопоставленный инновации архаизм, преобладающий в орфографии памятника, если ещё и возможен в живом употреблении, то лишь в речи представителей старшего поколения грамотных людей, сложившейся за десятилетия до создания исследуемого текста. Скорее всего, этот архаизм — отражение орфографической традиции, которая потому и нарушается, что её не поддерживают речевые ассоциации» [Хабургаев 1973: 194] (ср. [Шахматов 1886: 181] об отражении падения редуцированных). Таким образом, в настоящей работе даже единичные отклонения от этимологических написаний признаются свидетельствами наличия тех или иных фонетических явлений в говоре писца Лечебника. Такое смелое предположение представляется возможным в том числе по причине диаконского сана писца, который предполагает высокую грамотность.

1.1. Аканье

Примеров, однозначно свидетельствующих о смешении гласных верхнего подъёма после твёрдых согласных в говоре писца, мало: *галовнаго* (10); *и да тре(х) днѣй* (112); *тваря(т)* (114 об.); *достака(н)* (115).

Более многочисленная группа написаний неэтимологического *а*, видимо, может объясняться описками (предвосхищением последующего *а*): *макаваго* (9 об.); *рамановы* (9 об.); *олава* (20 об.); *мо(з)гаваго* (24); *палагае(м)* (105); *по(л)тарà* (116).

Ещё одна многочисленная группа примеров может отражать не аканье, а наличие в говоре писца диалектного окончания *gen. sg. m.* адъективного склонения *-ога*²⁹: *плоскова* (8 об.); *огоро(д)нова* (9 об.); *свьжева* (19); *сухова* (34 об.); *которова* (103 об.); *мушкатнова* (118).

Случаев написания гласного *о* на месте этимологического *а* нет.

Несмотря на единичность примеров, явно отражающих аканье, говор писца Лечебника признаётся акающим. Возможно, такая низкая степень отражения именно этой диалектной черты связана с необходимостью окающего произношения, принятого в церкви, и высокой грамотностью писца.

1.2. Написание буквы «ять»

В корнях под ударением писец Лечебника почти не смешивает *ѣ* и *е*, в безударном корне такое смешение не редкость — примерно в половине случаев *ѣ* заменяется на *е*, причём независимо от твёрдости или мягкости последующего согласного. В ударных окончаниях примеров неразличения этих фонем также около 50 %, но наблюдается зависимость от многосложности окончания (никогда не будет написан конечный *ѣ* в двусложном окончании). В безударных окончаниях написание этимологического *ѣ* крайне редко. Исчерпывающего списка примеров не приводится вследствие их многочисленности.

²⁹ Более подробное обсуждение этих форм см. ниже в разделе «Грамматика».

Таблица 1

Ударный		Безударный	
корень	окончание	корень	окончание
<i>сѣмяники</i> (7 об.)	<i>тѣ(м)</i> (7 об.)	<i>белткѣ</i> (16)	<i>фѣниклове</i> (7 об.)
<i>в бѣло(м)</i> (14 об.)	<i>ко всѣ(и)</i> (7 об.)	<i>вре/дѣтельную</i> (8)	<i>во бѣраине</i> (8)
<i>дѣлаемъ</i> (7 об.)	<i>в винѣ</i> (9)	<i>бѣ(л)ткѣ</i> (16)	<i>вѣ рте</i> (8)
<i>смѣшено</i> (7 об.)	<i>в водѣ</i> (10)	<i>свѣчу</i> (16)	<i>свѣжѣ</i> (8)
<i>мѣлко</i> (7 об.)	<i>в травѣ</i> (14)	<i>смѣ/шѣть</i> (9 об.)	<i>сѣмые</i> (11 об.)
<i>с прѣсны(м)</i> (8)	<i>тоѣ</i> (10 об.) gen. sg. f.	<i>смешѣй</i> (9 об.)	<i>дѣбре</i> (12)
<i>въ гѣства(х)</i> (8)	<i>в горикѣ</i> (16)	<i>смесѣ</i> (16 об.)	<i>рамѣнове</i> (14)
<i>свѣжѣ</i> (8)	<i>в водѣ</i> (16)	<i>бѣлмѣ</i> (16 об.)	<i>в пѣве</i> (18 об.)
<i>ѡ вѣтрѣсти</i> (8)	<i>в винѣ</i> (16 об.)	<i>белмѣ</i> (16 об.)	
<i>содѣе(т)</i> (8)		<i>процѣдѣ</i> (16 об.)	
<i>прѣсны(м)</i> (10 об.)		<i>исцѣлѣть</i> (20)	
<i>лѣлко</i> (10)		<i>преснѣмъ</i> (20)	
<i>в мѣдено(м)</i> (14 об.)		<i>исцѣлѣть</i> (20 об.)	

Случаев написания неэтимологического *ѣ* на месте *е* очень мало: *увѣрте(в)* (16); *с мѣдо(м)* (13 об.; 105); *бѣзболѣ(з)ному* (115 об.).

Единичные примеры перехода *ѣ* в *и* ненадёжны — отмечены в заударных слогах в окружении букв «и»: *видѣтисѣ* (11 об.), при преобладании *видѣ(т)* (inf., 11 об.); *вѣкипила* (115), *не вы(ки)пило* (129 об.), под ударением нормально *кипѣла* (130)³⁰. Редкие примеры смешения *ѣ* и *и* в ударном слоге сомнительны: *инбѣрю* (106) — иноязычное слово, а остальные могут также иметь морфологическое объяснение³¹: *к перелѣмленной ногѣ* (75 об.), *на доскѣ* (132, 132 об., 133, 133 об.*2), *в рукѣ* (138 об.), *в сѣтѣ* (69 об.)³², *к цы(н)гѣ* (104), *во ухѣ* (106 об.).

1.3. Переход *е* в *о*

В рукописи отмечены многочисленные случаи отражения перехода *е* в *о* после шипящих и *ц*, в том числе в открытых слогах (как в ударных, так и в заударных): *ср(д)цо* (9; 9 об. и др.), *на(т)цо* (9 об.), *в цѣло(к)* (10; 10 об. и др.), *дрѣвцо* (10 об.), *шѣлуди* (11), *с пѣрцо(м)* (17), *лицѣ* (20; 22 и др.), *на чо(м)* (22), *свинцѣваго* (22 об.), *перечѣ(с)* (103 об.), *горячѣ* (107), *лужѣно(м)*

³⁰ О ещё нескольких сомнительных примерах такого перехода (*зми(р)ни золо(т)ни(к)* (8 об.), *в сковоро(д)ки* (11) и др.) см. ниже в разделе «Грамматика».

³¹ См. о них ниже в разделе «Грамматика».

³² Морфологическое объяснение возможно в силу нарушенной корреляции по твёрдости/мягкости.

(115), *полотѣнцо* (116 об.), *пивцо* (118 об.) и др. Пример перехода *e* в *o* не после шипящего один: *волóвой* (110) м.³³

1.4. Безударный вокализм после мягких, шипящих и *ц*

Встретились единичные примеры яканья в предударных слогах: *на за(гω)рѣлося* (101 об.)³⁴, *в то́(м) же чахлѣ* (116 об.). Отмечены отдельные примеры неразличения гласных переднего ряда в заударных слогах: *испадѣнїи* (10 об.; асс. sg.), *с кúри(ч)имъ* (14), *на (д)венáтце(т)* (119), *в ко́ей хра́мени* (116, исправлено из *-e*)³⁵, *гво(з)дѣ́ке* (18 об.; асс. pl., ‘гвоздики’), *с кнѣ́ге* (86 об.)³⁶. Последние два примера, возможно, отражают не замену заударного *и* на *e*, а смешение заударных *ъ* и *e*. Большинство примеров мены *e//я* связано с суффиксом *-ян-*: *в мѣ́дено(м)* (14 об.), *о горленѣхъ* (26 об.), *гóрленой* (27), *гóрленое* (26 об.), *о горляну́ю* (26 об.), *горляно́е* (26 об.), *воденáго* (32 об.) и др. Определить тип заударного вокализма после мягких не представляется возможным по причине малого количества релевантных примеров.

1.5. Цоканье

Ожидать регулярного отражения цоканья в памятнике XVII в. не приходится [Бегунц 2007: 40–41], однако отмечен один пример, который позволяет предполагать наличие этой фонетической особенности в говоре писца Лечебника: *о(т) срева* (41 об.), т. е. ‘от чрева’. Написание здесь сочетания *-тс-*, вероятно, указывает на то, что писец произносил в этой позиции свистящую, а не шипящую аффрикату, иначе ожидалось бы написание *от шрева* (или *от шрева*) (ср. [Там же: 41] о результатах изменения в сочетании *-чн-*). На месте этимологического *-чн-* находим *-шн-* вместо ожидаемого *-сн-*: *горчѣ́шное* (31 и др.), *я́шной* (118 об.). Между тем в современных цокающих говорах такая «нестыковка» часта, поэтому для установления наличия неразличения аффрикат в диалекте писца Лечебника пример *о(т) срева* (41 об.), свидетельствующий о цоканьи, признаётся более значимым.

1.6. Корреляция согласных по твёрдости/мягкости

Отмечены примеры, позволяющие предполагать нарушение корреляции по твёрдости/мягкости согласных в говоре писца: *кровѣ* ж. (18, 23, 23 об.

³³ Часто напряжённый редуцированный *ї* в окончаниях притяжательных прилагательных m. sg. отражается как *-e-*: *волóвей* (104, 105 и др.), *конéвей* (105 об.), *свѣ́жей* (110 и др.), *кúрячей* (113 об. и др.), *горя́чей* (114 и др.).

³⁴ Здесь также приходится предполагать и отверждение *н*.

³⁵ Возможно, отражение мены *ы/и*, примеры которой см. ниже. Об этом примере см. также ниже в разделе «Грамматика».

³⁶ Возможно, здесь так отражён *ъ*. Об этих примерах см. ниже в разделе «Грамматика».

и др.), *доловъ* (20 об.), *убавъ* (6) ‘убавь’, *со инымъ зѣліями* (32, instr. sg.), *помязѹемъ* (10 об.), *на(д) бровáми* (11 об.); *горя(з)до* (16), *горя(з)но* (106 об.), *багрáного* (л. 41), *инбѣру* (26 об.), *о(т) сѣрыца* (л. 43 об.); *нази-вáемъ* (8 об.), *преи(з)лішныя* (25) gen. sg.³⁷, *сѣлы* (32 об.), *на за(го)рѣлося* (101 об.), *ревѣну* (112 об.), *кашель* (34). Возможно, такова же причина написания *зми(р)ни* (8 об.; ‘смирны’, gen. sg.), хотя его можно объяснить и морфологически. Написание *выми(т)* (15 об.; inf.) может быть опиской (или необычным отражением конечного инфинитивного *и*).

1.7. Качество и позиционные варианты *в*

Для согласного *в* можно предполагать билабиальное произношение: *вкусѣнію* (112 об., ‘укушению’), *у ка(н)* (10), *усѣ* (115 об., ‘все’); *истолчѣ мѣлко уши* // *ї в но(с) пускати* (7 об.—8 (вместо *в уши*)). Далее, во всех случаях сочетания предлога *въ* с начальным *у* существительного находим вокализацию слабого редуцированного *в* предлоге: *во ушехъ* (18 об., 19 и др.), способствующую сохранению предлога. В позиции оглушения встречается единственный пример позиционной мены *в/ф*: *Ѳ то(м)* (118 об.).

1.8. Шипящие согласные

В Лечебнике отмечены случаи отвердения *щ*, отражаемые написанием *ъ* или *ы* после шипящего: *прѣщы* (25 и др.), *нощъ* (10), *нѣмощъ* (112, 25*2 и др.) и др., а также взаимной меной *ш/щ*: *о(т) шепотѣ* (101 об.; нормально *щепотѣ* (101 об. и др.)), *на(д)ше* (9, 24), *на(т)ше* (9 об.), *бо(р)шу* (37 об.), *во ушехъ* (19), *нѣмо(щ) ушнѹю* (19 об.), чаще всего такую мену находим на конце слова: *ово(ш)* (41), *хра(ш)* (42), *нѣмо(ш)* (5, 25 и др.), *пóмо(ш)* (118, 120) и др. Реже в позиции долгого глухого шипящего находим сложный звук: *штя(м)* (л. 31).

1.9. Ассимилятивные явления

Отмечаются случаи ассимиляции по назализации в сочетаниях *бм*: *о óмороку* (8 об.; ‘обморок’), *омочѣ* (13 об.), *омáзти* (101 об.). Предположение об использовании приставки *о-* вместо *об-* подрывается примерами, следующими непосредственно за указанными: *обморокъ* (9), *ω(б)мо-чѣвъ* (14).

Встретился один пример, возможно, свидетельствующий о наличии прогрессивной ассимиляции заднеязычных по мягкости: *то(л)ки* (5 об.) ‘только’.

1.10. Таким образом, фонетические особенности говора писца видятся следующими: аканье, *ъ* в основном совпал с *е*, но возможна также мена

³⁷ Возможно морфологическое объяснение о перераспределении суффиксов *-ьн/-ьн’-*.

ть/и, переход *е* в *о*, цоканье, мена *в/у* в начале слова, нарушения в корреляции согласных по твёрдости/мягкости, отвердение долгого глухого шипящего или его реализация в виде сложного звука [шт'].

В XVII в. многие из этих фонетических черт характеризовали селигеро-торжковские говоры, среди них — аканье, совпадение *ть* с *е* (а по линии Торжок-Ржев-Старица переход *ть* в *и*), переход *е* в *о*, отвердение губных и *р*, непозиционная твёрдость/мягкость согласных, сложный звук на месте долгого глухого шипящего [Галинская 2002: 136–169]. В указанный период в этой области не фиксируется билабиального *в* и цоканья. Однако Е. А. Галинская отмечает, что в отдельных населённых пунктах в районе Торжка, Ржева и Старицы было представлено цоканье во второй половине XIX и в начале XX в. [Там же: 162]. В связи с этим можно предположить, что и в XVII в. эти говоры не различали аффрикат. Вопрос о билабиальности *в*, возможно, следует решать следующим образом. Отражённое в Лечебнике написание *уши* вместо *в уши* может свидетельствовать не только о билабиальном характере произношения *в*, но являться гиперкорректным написанием в случае распространённости протетического *в* в говоре. Протетический *в* отмечается в значительном количестве слов в современных селигеро-торжковских говорах, правда почти не отмечается в них в XVII в. [Там же: 156]. Мена *в/у* в начале слова в Лечебнике соседствует с оглушением *в* в *ф*, поэтому, возможно, отражённые написания *усе* и *вкушёнью* — лексикализованные остатки прежней билабиальности *в* (быть может, даже почерпнутые писцом Лечебника из речи новгородцев).

Таким образом, фонетические диалектизмы, отражённые в рукописи, указывают на локализацию говора писца в широкой северо-западной зоне (на бывшей новгородской территории), в том числе на территории современных селигеро-торжковских диалектов.

2. Грамматика

В этом разделе выборочно будут рассмотрены диалектные черты грамматики Лечебника.

2.1. Gen. и dat.=loc. sg. *ā-склонения

В Таблице 2 отражены только примеры диалектных окончаний (приведён исчерпывающий список для твёрдого склонения), которых, безусловно, меньшинство. Нормально в Лечебнике окончание gen. sg. *-ы* (*-и*): *водьы*, *травьы*; dat.=loc. sg. *-ть* (*-е*): *водть*, *травть* (*водё*, *травё*).

Возможно, к этой же группе относятся и примеры: *зми(р)ни золо(т)ни(к)* (8 об.), *в ... хрámени* (116; исправлено из *-е*), однако в этом случае приходится предполагать переход заударного *ть* в *и*³⁸.

³⁸ О другой фонетической интерпретации данных примеров см. выше в разделе «Фонетика», п. 1.6.

Таблица 2

Падеж	Твёрдое склонение	Мягкое склонение
gen.	<i>с кни́ге</i> (приписка 86 об.)	<i>горчи́це</i> (105 об.)
dat.=loc.	<i>в воды́</i> (66) <i>ко ... э́львы</i> (7 об.) <i>о главы́</i> (верхн. поле 8 об.) <i>на доскѣ́</i> (132, 132 об., 133, 133 об.*2, 134) ³⁹ <i>к перело́мной но́ги</i> (75 об.) <i>к ра́ны</i> (103) <i>в руки́</i> (138 об.) <i>к ... страны́</i> (6 об.) <i>в сыты́</i> (65), <i>в сыти́</i> (69 об.) <i>во ухѣ́</i> (106 об.) <i>к цы(н)гѣ́</i> (104) <i>о ... неч(с)тоты́</i> (21 об.)	<i>в горчи́це</i> (8 об.) <i>во пше́нице</i> (27)

Также неочевидны и примеры с основой на заднеязычный: *к боля́чки* (103 об., 109), *ко оже́ги* (110)⁴⁰, *в сѣворо(д)ки* (106 об.), *о боля́чки* (109), *в сковоро(д)ки* (11), *на ... бумáги* (приписка 88), возможно, отражающие не переход *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи*, а мену заударных *гь* и *и*.

Неоднозначность примера *с кни́ге* (86 об.) представляется меньшей. Написание *е* вместо *и* в Лечебнике с уверенностью не фиксируется⁴¹.

Фонемный состав окончаний мягкого склонения вызывает вопросы по причине отсутствия примеров ударных флексий⁴².

Настоящая подпарадигма позволяет выдвинуть гипотезу о том, что говор писца Лечебника характеризовался так называемой «обратной» системой окончаний в данных формах. Подобные системы подробно описаны в статье [Абраменко и др. 2013: 87–110]. Авторы локализируют такие говоры в южнопсковско-селижаровском районе: от Опочки на западе до Торжка на востоке, т. е. на юге Псковской и юго-западе Тверской областей (см. кар-

³⁹ О примерах на заднеязычный см. также выше в разделе «Фонетика». Возможно, здесь отражён не переход *кы, гы, хы* в *ки, ги, хи*, а мена ударных *гь* и *и*.

⁴⁰ У слова *ожегъ* колеблется родовая принадлежность, чаще находим окончания склонения на **-ā*: *ѡ оже́ги* (110), *ко оже́гъ ѡгненой* (110 об.), *помазу́емъ оже́гу* (110, 110 об.*3), *о оже́ге* (109 об., 110); реже по мужскому роду: *оже́гъ помазу́емъ* (110 об.).

⁴¹ Возможно, эта замена представлена в ещё одном примере: *гво(з)дике* (18 об.; асс. pl. ‘гвоздики’), однако и здесь велика вероятность этимологического *-гь* в окончании. См. ниже.

⁴² Что не мешает утверждать наличие в говоре «обратной системы», т. к. окончания мягкого склонения нужны лишь для определения конкретного типа такой подпарадигмы (с сохранением или утратой исконных окончаний мягкого склонения) [Абраменко и др. 2013: 87].

ту 1 в Приложении) [Там же: 87]. Даже в случае признания в примере *с кнѣге* (86 об.) изменения заударного *и* в *е* возможность отнесения говора писца Лечебника к группе говоров с «обратной» системой не исчезает, т. к. авторы указанной статьи отмечают: «не исключено, что по крайней мере в части ареала современным обратным системам предшествовала система с синкретизмом по [ы] окончаний в твёрдом склонении с проникновением окончания *-ѣ* в родительный падеж и сохранением праславянской оппозиции в мягком» [Там же: 91]. Если же признать, что пример *с кнѣге* (86 об.) отражает *-ѣ* в окончании, то его уникальность объясняется именно таким происхождением говора Лечебника из системы с синкретизмом по *-ы*. Авторы статьи возводят возникновение «обратных» систем, характерных для говоров, восходящих к племенным диалектам южнопсковских и торопецко-селижаровских кривичей, «практически к позднепраславянской эпохе».

2.2. Асс. рл. *ā-склонения

В Лечебнике отмечены формы асс. рл. *ā-склонения на *-ѣ*: *доствѣй в то(м) гво(з)дѣке* (18 об.); *всякие неч(с)тотѣ личные згѣнитѣ* (22).

Пример *гво(з)дѣке* (18 об.) представляется наиболее верным интерпретировать именно как отражающий фонему *ѣ* в окончании (а не *и*), т. к. нет других надёжных примеров замены заударного *и* на *е*⁴³. Возможность такого фонемного состава этого окончания поддерживается примером *неч(с)тотѣ* (22).

Окончание *-ѣ* в асс. рл. *ā-склонения не отмечается в диалектологических описаниях современных говоров. В древнерусский период это окончание было распространено на новгородской территории [Зализняк 2004: 98–99], в том числе, видимо, и на восточноновгородской территории, к которой относились и современные селигеро-торжковские говоры.

2.3. Ген. sg. m. n. адъективного склонения

Отмечены формы, дающие возможность предполагать наличие в говоре писца Лечебника диалектного окончания ген. sg. m. адъективного склонения *-ога*⁴⁴: *плѣскова* (8 об.); *огоро(д)нова* (9 об.); *свѣжева* (19), *сухѣва* (34 об.), *котѣрова* (103 об.), *мушкѣтнава* (118). А. А. Зализняк пишет, что окончание *-ога* в ген. sg. m. n. адъективного склонения встречается в некоторых поздних новгородских берестяных грамотах, а его наследник — окончание *-ова* широко распространено в северновеликорусских говорах [Там же: 120]. С. Л. Николаев отмечает, что это окончание свойственно говорам ильменско-словенского (т. е. восточноновгородского) происхождения [Николаев 1994: 44, сноска 39]. Селигеро-торжковские говоры, принадлежавшие восточноновгородской территории, вполне могли в XVII в. ещё сохранять такое окончание.

⁴³ Об ещё одном таком примере *с кнѣге* (86 об.) см. выше.

⁴⁴ О возможности отражения аканья в этих формах см. в разделе «Фонетика».

2.4. Другие грамматические черты

Здесь отмечены интересные грамматические черты памятника, не дающие, однако, никакой дополнительной диалектологической информации (и не противоречащие предполагаемой локализации говора в северо-западной диалектной зоне), поэтому подробно не разбираемые.

2.4.1. Указательные местоимения изменяются по адъективному склонению: *в тó(и) дн̄ь* (10 об.), *нѣмо(ч) тую* (19), *тѣй лишай* (20 об.) и др., что свойственно большинству западных великорусских говоров.

2.4.2. 1 sg. praes. глагола *быти* дважды в прямой речи (sic!) писца имеет форму *есми*: *что есмь того не вида(л)* (118), *сказа(л) есмь* (119). Такая форма встречается в некоторых новгородских берестяных грамотах (№№ 820, 578, 23) [Зализняк 2004: 138] и в московских, двинских и др. пергаменных документах [Галинская 2015: 348].

2.4.3. Яркой синтаксической чертой памятника является конструкция типа *вода питу*: *курица истолочь* (12 об.), *перепусти(т) во(д)ка* (13), *же(л)чь коро(в)я и(з)суши(т)* (13), *нарядити покрыйка* (101), *выкопа(т) яма* (101 об.), *и та вода ... варити на огнь* (107 об.), *здѣлати скамейка* (116 об.), *ка(к) устрои(т) храмаина* (116), *да борани(н)ка молодая варити* (117 об.) и др.

2.4.4. В целом синтаксис Лечебника изобилует разговорными конструкциями. Часто как однородные используются формы глагола, способные нести значение императива (но не являющиеся при этом грамматически однородными): *взяти травы ... и вари вместе и ѣсты* (вместо *ѣсть*, описка из-за последующего *капусты*) за *капусты мѣста* (8 об.); *водѣлай в вѣно(с)ной ковши в бо(л)шой дадутъ всему помокнуть днь да нощь и пото(м) процеди* (10) и др. Достаточно часто встречаются контексты с повторением предлога: *в сосу(д) чисто(и) в оловяно(и) или в сви(н)цовой* (12); *поло(жи) в горшо(к) в новой в невеликой* (17 об.) и др. Отмечен «именительный перечисления»: *возми чесноку да исто(л)ки да со(к) выжми да старая со(л) да сѣра горячая да сало ветчинное да исто(л)ки...* (107) и др.

2.4.5. Любопытным и немаловажным представляется поведение бывшей энклитики *ся*. Кажется, оно является дополнительным свидетельством в пользу того, что писец Лечебника не был его переводчиком, но переписал его с более древней рукописи (которая также могла не быть непосредственным автографом переводчика). В простой клаузе часто сохраняется препозиция энклитики: *кров ся уйметъ* (18), *кро(в) ся движеть* (18 об.), *частво ся умывае(м)* (21), *о(т)рыганье ся уйме(т)* (28), *каше(л) ся уйметъ* (34), *велми ся распали(т) кро(в)* (36 об.); *и тѣ(м) ся измываемъ* (106), *и тѣ целоко(м) ся и(з)мывай* (107), *что бы ся не усурь(л)* (111), *егда ся ро(т) испо(л)ни(т)ся* (6 об.). Такое поведение *ся* абсолютно нормально для XVI в., однако уже куда менее вероятно в живой речи в XVII в.⁴⁵

⁴⁵ Из устного сообщения К. Ю. Дойкиной.

3. Таким образом, все фонетические и грамматические диалектизмы рукописи непротиворечиво локализуют говор писца Лечебника в северо-западном ареале, соответствующем древней новгородской территории.

VI. К локализации говора писца Лечебника

Как уже сказано выше, фонетика и грамматика, отражённые в рукописи, позволяют отнести её лишь к очень широкой северо-западной диалектной зоне, однако акцентологические параметры дают богатейший материал для более точной локализации исследуемого Лечебника. Чтобы локализовать источник по акцентологическим особенностям, необходимо сравнить его с уже описанными и локализованными памятниками и выявить максимально близкий исследуемому по акцентуации и фонетическим и грамматическим чертам.

За основные две изоглоссы, выделяющие область памятников, с акцентуацией которых целесообразно сравнивать систему ударения, отражённую в Лечебнике, принимаются следующие:

1) линия, очерчивающая «область архаизмов», а в ней зону флексийного ударения членных прилагательных а. п. с с суффиксом *-к-* [Зализняк 2014: 94];

2) небольшой фрагмент «широкой промежуточной полосы», характеризующийся флексийным ударением кратких *-en-* причастий а. п. с [Там же: 99].

При наложении этих двух карт друг на друга (см. карту 1) получаем маленькую область пересечения, в которую фактически входит единственный памятник — Житие Феодосия по списку начала XVI в. (Печерский Патерик) [Там же: 47] (далее — Феод.); его фонетические и грамматические черты совпадают с диалектными особенностями Лечебника [Там же: 48]. Единственной проблемой такой локализации является полуторавековая дистанция между памятниками, в связи с этим представляется необходимым привлечение большего числа релевантных параметров и сравнение акцентуационных особенностей Лечебника с чертами других памятников, использованных в [Там же].

Таковыми релевантными параметрами, добавляющимися к вышеназванным, признаются:

1. флексийное ударение в М. ед. на *-и* у существительных а. п. с *ĩ-fem.*;
2. М. мн. на *-ѣхъ* (*-ихъ*) в а. п. с;
3. флексийное ударение в словах с суффиксом *-от-а*;
4. ударение нечленных форм прилагательных а. п. с и а. п. а;
5. конечное ударение в «группе *стоя*» деепричастий презенса;
6. ударение инфинитивов;
7. ударение в презенсах с неслоговым корнем.

Ниже в Таблице 3 сравниваются близкие (территориально в соответствии со схематическими картами в [Зализняк 2014]) к Феод. рукописи: Ка-

нонник 1616 г., писанный иноком Арсением селижаровцем (далее — Сел.), и История о Казанском царстве первой половины XVII в. (далее — Каз.) [Там же: 51]. При наличии (и господстве) встречающейся в Лечебнике черты в столбце соответствующей сравниваемой рукописи ставится знак «+», при отсутствии (и господстве противоположной черты) — «-», при колебаниях (примерно равном распределении материала между двумя полюсами) — «+/-». Помета «мало» при любом из знаков указывает на то, что в этой рукописи мало материала по данному параметру. Пустыми оставлены клетки в случае отсутствия материала по данному параметру в указанной рукописи.

Таблица 3

Лечебник	Феод.	Сел.	Каз.
<i>в но́чи</i>	+	+	+
<i>жива́</i>	+	+	+
преобладает <i>въ лѣстьхъ</i>		+	-
есть <i>чиста́</i>	+	+	-
преобладает <i>жарко́й</i>	+/-	-	-
<i>стоя́</i>	+/-		
<i>варено́</i>	+	+	+
<i>нестьи́</i>	+	+	+
<i>взя́ти</i>	-	+/-	+
<i>беречи́</i>	+		
<i>беречи́</i>			
<i>возметъ</i>	+	+	+
<i>сожжѣтъ</i>	+/- мало		

Рукописи Сел. и Каз. значительно ближе к исследуемой рукописи по времени написания, однако их акцентуационные черты, как видно из таблицы, соответствуют ему в меньшей степени, чем Феод. Лечебник — в отличие от Сел. и Каз. — отражает не только восточные, но и западные акцентные особенности. Видимо, следует предполагать, что его писец происходил из той же диалектной зоны, к которой А. А. Зализняк относит Феод., — «зона селигеро-торжковских говоров, причём её северной части, контактной с новгородскими говорами» [Зализняк 2014: 48], что не противоречит фонетико-грамматическим данным, извлекаемым из исследуемой рукописи, и сужает широчайший северо-западный ареал.

Такое происхождение писца также не противоречит экстралингвистической информации приписок: естественно стремиться с периферии новгородской территории в Великий Новгород. Опосредованным подтверждением неновгородского происхождения диакона церкви (а затем собора) во имя иконы Знамения Божией Матери Ивана Иванова можно считать его

1) Памятник локализован в данном географическом районе на основании содержащихся в нём сведений о происхождении писца или о месте написания (причём диалектные особенности памятника, если они имеются, не противоречат локализации); 2) то же на основании косвенных сведений о связи памятника с данным географическим районом (место бытования и т. п.); 3) памятник локализован по комплексу диалектных особенностей; 4) памятник локализован по некоторым диалектным особенностям (или особенностям графической системы) и по сходству акцентной системы с другими памятниками данного района; 5) памятник локализован только по сходству акцентной системы с другими памятниками данного района; 6) ударение в нечленных формах *-en*-причастий от глаголов а. п. с в «основном материале» по модели *процѣнь, проценá, проценó, проценѣи*; 7) границы распространения *нѣсти* и/или *взѣти* к концу XVII в.; 8) основной ареал преобладания (в XV–XVII вв.) флексии ударения в членных формах прилагательных «среднего звена» с суффиксом *-к-* [Зализняк 2014: 77, 94, 99, 101].

Л и т е р а т у р а

Абраменко и др. 2013 — О. А. А б р а м е н к о, С. Л. Н и к о л а е в, А. В. Т е р - А в а н е с о в а, М. Н. Т о л с т а я. Системы соотношения *gen.* и *dat.-loc.* *a*-основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 16: Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 63–165.

Анкудинов 2003 — Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв. Сборник документов / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003.

Бегунц 2007 — И. В. Б е г у н ц. К вопросу об отражении цоканья в русской деловой письменности XVII в. // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2007. С. 40–41.

Галинская 2002 — Е. А. Г а л и н с к а я. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.

Галинская 2015 — Е. А. Г а л и н с к а я. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М., 2015.

Зализняк 1985 — А. А. З а л и з н я к. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк 2010 — А. А. З а л и з н я к. Труды по акцентологии: В 2 т. Т. 1. М., 2010.

Зализняк 2014 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014.

Николаев 1994 — С. Л. Н и к о л а е в. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 23–49.

Петров 2014 — Д. А. П е т р о в. Владычный двор в Новгороде (1430–1450-е гг.). К вопросу о происхождении архитектурной композиции // Новгородский исторический сборник. Вып. 14 (24). Новгород, 2014. С. 118–135.

Секретарь 2009 — Л. А. Секретарь. Знаменский собор // М. Мильчик. Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2009. С. 220–222.

Строев 1877 — П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.

Хабургаев 1973 — Г. А. Хабургаев. «Изогlossная стратиграфия» — основа локализации и хронологизации языковых изменений // Лингвогеография, диалектология и история языка. Кишинёв, 1973.

Шахматов 1886 — А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. СПб., 1886.

Резюме

Старовеликорусский рукописный акцентуированный Лечебник 1686 г. — доселе неизвестный памятник, переписанный диаконом новгородского Знаменского собора. Плотность акцентуации источника невероятно велика (98 %); рукопись содержит важные диалектные особенности как западной, так и восточной акцентных зон, что позволяет достаточно точно локализовать говор писца рукописи исключительно по данным акцентологии. В статье приводится краткое описание акцентуации Лечебника и точечное описание важных для локализации фонетических и грамматических диалектных черт исследуемой рукописи. Результатом работы является предварительная локализация источника на периферии селигероторжковских говоров, на границе с новгородской территорией, но не в Новгороде.

Ключевые слова: древнерусское ударение, рукописный Лечебник XVII в., Селигеро-Торжковские говоры, Великий Новгород.

Получено 22.03.2018

NADEZHDA A. SEDUKOVA

LOCALIZING THE ACCENTUATED HANDWRITTEN MEDICAL GUIDE OF 1686 (RSL, F. 310, NO. 697)

The Old Russian accentuated handwritten medical guide of 1686 has not been studied thus far. It was written by a deacon of Our Lady of the Sign cathedral in Novgorod. Stress accentuation in the manuscript appears very widely (up to 98 %); also, the book shows significant dialect features typical of both Western and Eastern accentual zones. That provides grounds to localize the writer's dialect. The article consists of a brief analysis of the accentual system in the manuscript and careful consideration of specific phonetic and grammatical features, which are indicative of the book's localization. On the basis of the research reported here, the manuscript can be tentatively assigned to the frontier zone of the Seliger and Torzhok dialects, on the border with the Novgorod region, but not in the city of Novgorod itself.

Keywords: stress and accent in Old Russian, handwritten medical guide, Novgorod, dialect accentual system.

Received on 22.03.2018